

Злостный нарушитель

Кимико Мотидзуки

Кимико не так часто была в Лхасе, разве что проездом. Да и после смерти мамы она не была в монастыре, впрочем и не помнила о нём ничего. Обычно она жила в Токио, пару раз приезжала в Барселону и Мадрид, и однажды была в Пекине. Но в Токио ей нравилось больше всего. Даже тётя Фуэми не раздражала девочку, хотя Кимико часто вечерами рисовала змей и показывала свои рисунки или бабушке Чиеко, или папе, или дедушке Моррису и его семье. Папа не особо любил, когда Кимико балуется, но девочка видела, что ему нравятся эти карикатуры на противную тётушку Фуэми. Так и жили.

Кимико училась уже в школе и много что умела делать. Ей нравилось учиться, особенно нравились физкультура, рисование и музыка. Учительница говорила, что у нее красиво получается рисовать, а дед однажды сказал, что мама бы ею гордилась. Но девочка ответила, что мама уехала и всё прекрасно знает, и поэтому не гордилась бы, а гордится.

По маме она скучала, но нехватку эту восполняла общением с сеньорой Денёв, женой дедушки, Юлианой, поваром, той же Фуэми или бабушкой Чиеко, и для Кимико отсутствие мамы было не сильно тяжёлым испытанием.

А вот что было сильным и тяжёлым - так это конфликты с одноклассниками. Кимико была доброй девочкой, обзавелась друзьями, но иногда мальчишки могли сказать что-то оскорбительное про маму, и тогда в ход шли кулаки. В итоге угол, наказание, лишение прогулок, сладкого, и всё остальное. Но ведь обзывать маму нельзя. Да и вообще никого не должно волновать, почему она придумала, что мама уехала в экспедицию.

Как же Кими оказалась в Лхасе? Просто папе надо было уехать в командировку, дедушка отправился на стажировку в Лхасу, сеньора Денёв уехала во Францию, и Кимико было не с кем оставить. Все-таки когда тебе семь с половиной лет, оставаться одной нельзя. Ну, Кимико оставалась одна, но не на неделю-месяц-вечность. А жить под одной крышей с Фуэми ей совершенно не хотелось. Поэтому было принято решение отправить Кимико с дедом. Прогулка по Лхасе всё-таки не такое плохое времяпрепровождение.

Сегодня была хорошая погода, и у деда был выходной. Рано утром разбудив его, Кимико захотела погулять. Дед был свободен и пообещал прогуляться, но с учётом, что она будет вести себя хорошо и будет слушаться.

И Кимико слушалась. Они съездили в какой-то парк, посетили какой-то дворец, дедушка рассказал что-то, а потом было время поиграть. Встав на свой любимый самокат, девочка поехала по дорожке и набрала достаточно высокую скорость. Она любила скорость, ей нравилось быстро ездить, но в этот раз что-то пошло не так. Колесо наехало на маленький камешек. Руль повело, управление потерялось, и Кимико стала тормозить ногой, стараясь снизить скорость своего двухколёсного

друга, но он останавливался неохотно.

А впереди на узкой дорожке был человек. Кимико крутанула руль влево и закрыла глаза...

Анастасия Полякова

Находиться в городе было непривычно — Настя не без робости поехала в Лхасу. Впервые за — сколько? — полгода? Похоже, что так. А сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз была тут не проездом, чтобы до аэропорта добраться, а именно гуляя, изучая улочки и любуясь достопримечательностями? Настя не была уверена, что такое вообще было. Поход до магазина с травами ведь не считается.

Правда, появился вопрос, а куда бы ей пойти. Магазины, лавки и туристические места отпадали сразу: безработная студентка, да ещё и в чужой стране, не могла себе позволить сорить деньгами. Большинство общественных мест отпадали тоже — Настя чувствовала себя не слишком уверенно в окружении толпы после долгой изоляции в монастыре. Хотя в ментальной магии она и поднаторела, намного легче отсекал чужие мысли, когда ты одна либо рядом 1-2-3 человека, в большинстве случаев — со своими ментальными щитами.

В итоге получалось, что и выбрать особо нечего. Но Настя довольно быстро пришла к простой идее — погулять в парке. Как это сочеталось со всем ранее изложенным? Ну... Первым делом девушка отсекала самые известные и посещаемые: такие как Норбулинка и Лунвантань. Затем ещё какое-то время рассматривала карту, уткнувшись в телефон. Китайскую версию, разумеется, потому что в русско- или даже англоязычной могли часть мест просто не отметить — в Японии такое сплошь и рядом, вдруг здесь также.

Подходящий парк нашёлся достаточно быстро. В нем Настя облюбовала себе лабиринт узеньких тропинок, по которым, кажется, ходили крайне редко: как очень скромный следопыт, судить девушка могла только по тому, насколько заброшенной и не протоптанной выглядела тропинка. После некоторых сомнений она даже ментальный щит опустила. Ей показалось, что у нее с плеч не гора, но пара камней рухнула точно. Настя ненадолго прикрыла глаза, греясь в слабом солнечном тепле.

Резкий рой панических мыслей врезался ей в голову. Мыслей настолько сумбурных, что Настя ни слова не могла разобрать. Резко распахнув глаза, она заметила ребенка, что стремительно неся на самокате прямо к ней, и инстинктивно шагнула в сторону. Затем у нее включились мозги, и Настя шагнула обратно, стараясь как можно осторожнее ребенка перехватить. Ей-то, великовозрастной дуре, что будет, синяк максимум? А ребенок тут пострадать может!

Как только в нее врезался самокат с ребенком вместе (девочка, это было девочка), Настю качнуло чуть назад, и она резко подтолкнула себя ветром в спину. Равновесие восстановилось (спасибо магии Воздуха), и никто даже вперёд лицом землю не пропахал — определенно удачное стечение обстоятельств.

Убедившись, что ребенка чужого больше не трогает (ей скандала не надо, спасибо), Настя первым делом проверила ментальный щит и осталась собой довольна: она выставила его машинально, как только поняла, что вторгается в чужие мысли. И тут же себя отругала: вот нашла, о чем думать, ты про ребенка вспомни.

Постаравшись, чтобы ее голос звучал спокойно, без сюсюканья, как почему-то иногда выходило, когда ей приходилось общаться с детьми, девушка спросила: — Не ушиблась?

Моррис Фернандез

В шестьдесят с небольшим лет как-то хочется тишины, спокойствия и ничегонеделанья, а не вот это вот всё. Очередная командировка, в которую пришлось ехать Моррису Фернандезу, а не тому же Сэтоши, который то хочет учиться быть поваром, то не хочет учиться этому, была достаточно сложной, и сложность эта заключалась в том, что вместе с ним поехала Кимико. Благо, возможность Моррису проводить время со своей внучкой была, чем он и пользовался, а так бы, конечно, не взял её с собой. Сейчас, в этой новой командировке, он был кем-то вроде консультанта, и свободного времени было больше, которое он тратил на общение с внучкой. Ему казалось, что общения с родной внучкой много не бывает, поэтому он тратил это время с умом.

Вот и сегодня, в свой выходной, Моррис решил культурно выгулять свою внучку. Сначала достопримечательности, потом небольшой парк, в котором есть и горки, и детский городок, и ещё много всего интересного для ребёнка, а главное, есть лавочки, чтобы ему посидеть и почитать газету. Но вот Кимико, кажется, не хотела, чтобы дед спокойно читал газету, и поэтому уже через минуту Моррис увидел, как эта маленькая проказница усвистела на самокате. А там дорожка идёт вниз...

- Кими, осторожно, - прокричал Моррис, но куда уж там. Девочка его уже не слышала и неслась по дорожке вниз.

Больная нога не давала передвигаться быстро, да и возраст был уже не тот, к тому же последний раз Моррис бегал очень давно, и пришлось срочно вспоминать, где находится аптека, травмпункт, чувствуя, что случится что-то нехорошее, ведь скорость очень высокая. Потом представил, что Тору с ним сделает, когда узнает, что Кимико не послушалась деда (спойлер - ничего не сделает), и постарался идти быстрее.

Он видел, как на дорожку вышел человек, это была девушка, вроде европейской наружности, и вот должно произойти это столкновение, и он поморщился. И хоть Кимико пыталась избежать столкновения, но оно было неизбежно, однако вышедшая на дорогу девочка даже почти не шевельнулась. Не придав этому значения, Моррис доковылял до своей внучки и легонько дал ей подзатыльник.

- Жива? - спросил он и осмотрел девочку. Она не падала, следовательно травм не было. - Ты знаешь, что твой папа сделает из меня отбивную? Ну зачем же так быстро ехать, хотя я предупреждал тебя об обратном?

Потом Моррис посмотрел на девушку и протянул ей руку.

- Моррис Фернандез, дед этой занозы. Вы не ушиблись, милая леди?

Кимико Мотидзуки

В какой-то момент стало страшно, но это было мимолётное чувство. Она смелая, ничего не боится, хочет научиться делать всякие трюки на самокате, а это поначалу всегда больно. Так говорил какой-то блогер, показывающий разные трюки. Кимико не боялась боли, ведь это было не первое падение с самоката, хотя на такой скорости она не ездила ещё, а тормоза почему-то не сработали. И ногой затормозить было сложно. И вообще этот камешек всё испортил. Кто ему вообще разрешил валяться здесь.

И вот произошло столкновение, только почему-то не последовало за ним эпичного падения, разорванных коленок, рук и всего остального, был только небольшой испуг. Девушка поймала её за самокат. Странно, она Халк?

- Нет, - ошарашенно произнесла Кимико, ещё не отойдя от некоторого шока, - спасибо.

А потом подошёл дедушка и дал ей подзатыльник.

- Ау, больно. Деда, ну папа ничего с тобой не сделает, не волнуйся. Я же не упала, и всё хорошо. Ой, там детская площадка есть, я пойду туда. На самокат.

И Кимико быстро убежала. Она не любила, когда дедушка ругается, а ведь в своей ругани может запретить ей играть гулять и наслаждаться обычными детскими забавами. А сидеть дома, точнее стоять в углу, ей не хотелось. Там даже блогеров не слушаешь и состариться со скуки успеешь.

Анастасия Полякова

— Пожалуйста, — улыбнулась Настя, внимательно осматривая девочку. Та была невысокой, темноволосой и явно азиаткой, но возраст определить не получалось: ей могло быть шесть, а могло и четыре. Под поверхностным осмотром травм не обнаружилось, а лезть в чужую ауру Настя не стала. Это не монастырь, где люди хотя бы знают о такой возможности и готовы отнестись более-менее снисходительно, списав все на неполное умение контролировать способность или профдеформацию.

Следом за девочкой уже спешил ее сопровождающий: мужчина средних лет, но уже европеец, прихрамывавший на одну ногу. Очевидное беспокойство на его лицо предупредило всевозможные подозрения. Просто семья из представителей разных национальностей, нередко ведь такое бывает. Настя понадеялась, что он издалека многого не заметил. Магию Воздуха она использовала совсем немного, и это определенно было не так очевидно, как могло бы с любой другой стихией. Не то чтобы им категорически запрещено о своих способностях рассказывать, но разбираться с мешаниной из суматохи, страха, вопросов и гнева не хотелось совершенно.

Настя с лёгким беспокойством обернулась к девочке, когда та собралась ещё куда-

то на самокате. Вот прямо сейчас. Он разве не сломан, иначе почему у нее затормозить не получилось? Или девочка настолько испугалась, что просто про тормоза забыла? Но сильно испуганной она не казалась. Через пару фраз забыла вообще об испуге и стала с дедушкой спорить. Тут сам дедушка волновался явно больше, чем его внука. Мгновение спустя до Нasti дошло, что фразу она услышала неправильно: "на самокате" и "на самокат" не одно и то же. Тем временем девочка вручила дедушке самокат и побежала на площадку. Какое счастье, одной проблемой меньше!

Настя абсолютно машинально пожала протянутую руку, чувствуя, как замирает при звуках знакомой фамилии. Она не помнила, называла ли Яреци когда-нибудь имя своего отца, как много у нее было других родственников по отцовской линии, и не знала, какова вероятность столкнуться в Лхасе с ее родней, а не просто однофамильцем. Боль потери стала тише: помог и разговор с Лизой, и ее собственная рефлексия на эту тему. Но что-то в груди кольнуло, когда Настя поняла, что в ее жизнь может вернуться что-то, явно близкое Яреци. Про Маркуса она сейчас старательно не думала. Его давно не было в монастыре, и Настя очень смутно представляла, где он сейчас и с кем. Старалась, если честно, и не представлять. После ее отъезда, его почти смерти и амнезии они и говорили-то всего раз и очень скупое, как чужие. Наверное, они сейчас такие и есть — чужие.

Мужчина, Моррис, все ещё стоял перед ней. Возможно, тот самый человека что так тесно связан и с Яреци, и с Маркусом. Внезапно возникшее желание залезть ему в голову и все разузнать испугало девушку, и она постаралась сосредоточиться на разговоре.

— Настя, — представилась она и тут же поправилась: — Анастасия Полякова. Можете называть имя, как вам удобнее. Я в Тибете ко всему привыкла.

Слова про милую леди заставили улыбнуться:

— Я в порядке, не волнуйтесь. Даже синяков не осталось. И главное, что с ребенком все хорошо. Но ее самокат, мне кажется, сломан, и лучше на нем пока больше не ездить.

Моррис Фернандез

- А ну стой, паршивка маленькая, - девочка так быстро убежала, отдав деду самокат, что он даже не успел с ней поспорить. - Осторожно, постарайся не убиться там, ты папе еще нужна, - проворчал он, глядя вслед девчонке. Он старался на людях не сердиться сильно, а дома наказывал, если было за что. Сегодня как раз тот случай, когда было, за что наказать. И это хорошо, что закончилось без пострадавших, а то ему бы пришлось быть в роли яждеда, а ему так не хотелось.

Итак. Девушка Настя, судя по всему из России или какой-нибудь славянской республики. В Болгарии тоже было такое имя, Юлиана рассказывала, но оно было достаточно редкое. Значит, скорее всего из России. По крайней мере фамилия обычная русская. У Яри одноклассник был Макс Поляков.

Мужчина поморщился и вздохнул. Посмотрел на то, как девушка вложила свою тонкую изящную ладошку в кюего лапище, и нежно поцеловал. Так требовал этикет,

да и воспитание тоже было достаточно хорошим. Благодаря, в основном, Лауре. Любимая Лауритта с детства меняла Морриса, заставляла его переставать быть хулиганом, и Моррису это всегда нравилось. А теперь он старается воспитывать внучку и дочку Юку. Юка Одагири, теперь уже тоже Фернандес, растёт умницей и красавицей...

Он мотнул головой, отгоняя ненужные мысли, и, отпустив руку девушки, отступил на шаг. Поискал глазами Кимико и увидел, что эта проказница забралась на высокую горку и с кем-то спорит.

- Очень приятно, Анастасия, - сказал мужчина. - Вы прекрасно говорите на китайском языке. Вы здесь учитесь? - Моррис увидел лавочку. - Не против, если мы посидим немного? Если вы не спешите никуда и мы с шалопайкой вас не отвлекаем.

Анастасия Полякова

Настя на мгновение смутилась, когда поняла, что руку ей не для рукопожатия протянули, но быстро восстановила самообладание. Она не думала о том, как сильно Моррис Фернандес напомнил ей Маркуса. Совершенно точно не думала. Абсолютно. Ей просто мерещится очевидное сходство из-за довольно популярного жеста (и как часто она такой жест видела? два раза?), потому что ей хотелось бы, чтобы этот мужчина оказался связан с двумя людьми, которых она так или иначе потеряла.

Его явно терзали какие-то мысли. Саму Настю — тоже, но она не стала задавать вопросов.

— Приятно познакомиться, сеньор Фернандес. — Настя, по правде, не была до конца уверена, что он испанец, может, к нему как-то иначе стоит обратиться, но попытка не повредит, верно? А похвала ее китайскому бальзамом пролилась на душу, учитывая, как долго она мучилась при его изучении. — Спасибо, вы тоже очень хорошо говорите. И я не против побыть здесь немного, дел у меня нет.

Они заняли лавочку, стоявшую ровно так, чтобы солнце не слепило глаза, а его внучку было хорошо видно, и Настя решила ответить на заданный вопрос.

— Учусь, но не совсем здесь. — Девушка выдохнула, издав лёгкий смешок, и попыталась понять, как лучше все объяснить. — Официально я учусь в российском университете, на лингвиста. А здесь у меня... Наверное, можно сказать, что я получаю дополнительное образование в одном местном монастыре. Мне это не даст никаких дипломов или официального трудоустройства, но я делаю это просто... для себя.

Насте не хотелось лгать, но и в подробности вдаваться — тоже. Хотя с дурными намерениями в Линь Ян Шо не пройти, наверное, не стоило много болтать об этом первому встречному.

— А вы сами здесь по работе? Или на экскурсию приехали? — спросила девушка и поспешила объясниться: — Просто вы европейец, а с внушкой и вовсе на японском говорили. Не думаю, что вы тут живете.

Моррис Фернандез

И у Морриса не было дел, поэтому он был рад посидеть на лавочке не в одиночестве, а с хоть каким-то человеком. Кимико не в счёт, с ней даже нельзя пока поговорить на важные и интересные для людей темы. Она же ещё маленькая, многое в силу возраста не понимает. А слушать ему о каком-то блогере и смотпеть всякие разные видео ему не очень интересно.

Тем временем девушка начала рассказывать о себе. Учится на лингвиста, а здесь в монастыре учится. Моррис поморщился и почувствовал болезненный укол где-то в сердце, и еще раз поморщился. Яреци рассказывала о своём этом монастыре, но была немногословна, да и он не сильно интересовался. Она была счастлива там, любима, и это было для него самым важным. Там она влюбилась в Тору, родила ребёнка, и сейчас Моррис чувствует себя не старой развалюхой, каким был два года назад, получив известие о смерти дочери, а счастливым стариком. Все-таки малышка Кимико имеет какую-то часть и его крови, а значит, что род Фернандезов не прекратится. Или прекратится. В общем, неважно.

- Это тот монастырь, который затерян в горах недалеко отсюда? Мне... - Моррис понял, что если произнесёт слово "дочка" или "Яреци", то снова у него испортится настроение. Он старался, глядя на внуку, тоже представлять себе, что Яреци где-то в Израиле, Палестине, Сирии или ещё где-то на Ближнем Востоке, ведь изначально она туда и поехала, разорвав связи с отцом, Тору, Кимико... А потом вдруг вернулась в монастырь.

- Мне зять про него немного рассказывал. И как вам там учится? - сухо бросил он.

Поморщившись ещё раз и прикрыв глаза, Моррис помассировал пальцами виски и тяжело вздохнул. Не стоило менять тон, ведь эта девочка, если они вообще говорят об одном и том же монастыре, не виновата, что Яреци тогда оступилась. Не виноват в этом совсем никто. Ни та девчонка, которая фотографировала местность, ни Джун, который при всём желании не смог бы отнести Яреци в лазарет, ни кто-то ещё. Это просто стечение обстоятельств, божье провидение или ещё что-то. Остаётся надеяться, что ей там хорошо, и она встретилась со своей мамой.

- Простите, милая леди, - вздохнул Моррис, - что я был немного резок. Я сам сюда приехал по работе, тут какая-то конференция для поваров и управляющих, и пришлось ехать и взять с собой внуку. Одной же в семь с половиной лет не останешься.

Моррис представил, что было бы с квартирой, если не с городом, останься Кимико одна даже на день, и усмехнулся.

- Так что вот приходится и выгуливать эту маленькую шалопайку во время перерыва.

Анастасия Полякова

Упоминание о монастыре сеньору Фернандезу явно не понравилось. Даже его голос изменился: очередной вопрос был задан таким холодным тоном, что Настя поежилась. Если он и правда отец Яреци (И кем это тогда делает его внуку, эту самую темноволосую девочку на площадке? Настя старалась не думать об этом

хотя бы сейчас.), то предельно ясно, почему упоминание о монастыре его так огорчило.

— Да, он самый, — ответила она на первый вопрос. Было несколько обидно получить вот такую реакцию, но Настя постаралась проявить понимание и продолжить диалог так, словно ничего и не было. — А ваш зять, должно быть, кто-то из Мотидзуки? Мне кажется, у нас уже весь их клан успел побывать, — развеселилась девушка. Она, конечно, про весь клан преувеличила явно, но японцев в монастыре было не так уж много: были Мотидзуки, был Ичиро Сакаи и... Больше она никого и не припоминала вообще-то.

Про саму учебу говорить теперь было легче. Определенно легче, чем это было бы ещё несколько лет назад.

— Ну, у нас в последнее время было затишье, а сейчас народ снова начинает активничать. Я изначально приехала, чтобы, можно сказать, обрести контроль. — Настя неопределенным жестом повела пальцами, пытаясь так обозначить то ли магию, то ли какое-то общее свое состояние на тот момент — она и сама точно не знала. Вдаваться сейчас в детали не было смысла. — Но со временем мне это даже понравилось, и смена планов на жизнь уже не расстраивает, а открывает новые перспективы.

От извинений Насте — в который уже раз сегодня? — стало неловко. Даже ей все ещё было не по себе, когда она шла по дороге в деревню или подходила слишком близко к обрывам, из-за чего занятия в зоне Воздуха пришлось свернуть. Так каково должно быть этому человеку сейчас? Она не знала точно, у нее не было никаких весомых доказательств, и все же ее не отпускало ощущение, что этот мужчина — отец Яреци. И кем же это тогда делало его внуку, совсем недавно спорившую с кем-то на горке? Кимико она видела в последний раз, когда той было — сколько? — два, три года? Вспомнить не получалось, и даже примерные подсчёты в ее голове давали маху.

— Ничего страшного, я не расстроена, — успокоила его Настя. Про упомянутую конференцию она ничего не знала и сама готовить умела едва-едва, поэтому поинтересовалась: — Так вы тоже повар или управляете каким-то рестораном? А на какой кухне сосредоточена ваша работа? Одной какой-то страны или целого ряда государств?

А вот возраст девочки удивил. По датам-то, получается, все сходилось, и Настина догадка все больше подтверждалась (и Настя честно не знала, что об этом думать), но выглядела девочка помладше. Или ей просто так казалось, с детьми она давно не имела дела.

— Семь с половиной? — переспросила Настя. — Мне казалось, вашей внучке шесть максимум. Она такая маленькая. Она, наверное, не в вас пошла, — улыбнулась девушка. Сеньор Фернандес даже на ее фоне — взрослой девушки 21 года — казался слишком высоким и плечистым. Хотя и Настя ведь даже не среднего роста была: ее младшая сестра вон, в пятнадцать ее по росту догнала.

Моррис Фернандез

К лавочке подбежала Кимико, взяла свой самокат и быстро уехала на нём обратно на площадку. Моррис не успел ничего сказать и сделать - так это быстро было - и просто покачал головой. Кажется, сегодня был последний день Кимико на самокате. На обратном пути он просто сложит его и понесёт в руке. Это хорошо, что тут электрических самокатов нет. Они же скорость побольше развивают. Вроде бы. Или от диаметра колёс все это зависит. Впрочем, пусть Тору со всем разбирается. Его, Морриса, задача проста - вернуть Тору дочь в целости и сохранности. Не очень бы он хотел быть отбивной, ну или испытывать на себе харакири.

- Да, ее папа - Мотидзуки Тору, - кивнул Моррис, усмехнувшись насчет всего клана. На его памяти из Мотидзуки в монастыре были трое - Тору и два его племянника - Сэтоши и Джун. Последний вроде как больше не появлялся в Японии. Моррису тоже иногда хотелось если не пожить в монастыре, то хотя бы увидеть, как живут другие. Но это горы, и... Он будет против, чтобы Кимико отправилась туда. Если только с Тору.

- Надеюсь, удалось обрести контроль и рад, что тебе всё нравится, - тепло, как-то по-отечески улыбнулся мужчина.

Есму нравилось разговаривать с молодёжью, к тому же эта девушка, скорее всего, была знакома с Яреци, хотя он не помнил, что дочка что-то рассказывала про обитающих тут людей. Последние годы Яреци вообще ничего не рассказывала, а выражала свои мысли в картинах, не самых плохих, кстати. И иногда мужчине хотелось что-то подробнее узнать о жизни и быте этого монастыря. Но, наверное, в такой хороший и тёплый день не стоит разговаривать о том, о чём он не хочет. Все-таки это немного (на самом деле много) болезненно.

- Я и повар, и управляющий. Много лет был шефом, потом открыл свой ресторан и стал управляющим. Но меня ценят как шефа, много чего спрашивают, узнают. А сюда просто некого было отправить, пришлось самому ехать. А кухня у нас мексиканская, пытаемся добавить еще болгарскую кухню, но это пока сложно, поэтому общая балканская кухня. Для японцев это интересный опыт, и пока нравится всё. Вот пытаемся звезду получить.

О ресторане, блюдах, технологиях Моррис мог говорить часами, но сейчас не был уверен, что это будет интересно.

Анастасия Полякова

Настя как-то оторопело смотрела на подбежавшую к ним девочку, начиная узнавать в ней знакомые черты. Она очень смутно знала о нынешних семейных обстоятельствах Тору Мотидзуки, да и не ее это дело, если честно. Но теперь все стало до боли очевидно. Она как-то ошеломленно перевела взгляд на сеньора Фернандеза и всё-таки уточнила:

— Тору Мотидзуки? Тогда, получается, ваша внучка... Кимико? Как дочь Яреци Кимико? — Она все ещё не могла до конца поверить. Какова вероятность, что в редкую ходку в город она наткнется на отца Яреци, который тоже в этом городе буквально проездом? В следующий миг до нее дошло, что стоило как-то

потактичнее задавать вопросы, если уж ей так хотелось что-то узнать. — Ох, простите, просто я ее в последний раз так давно видела. Кимико и говорить-то ещё толком не умела.

А ещё швырнула в нее горстью песка. Как давно это было! И разве не смешно, что Насте это кажется таким далёким, когда ей всего чуть за двадцать?

— Да, удалось, — улыбнулась Настя в ответ. Сеньор Фернандез, казалось, был искренне рад за нее, и девушке стало необычайно тепло на сердце от того, что даже незнакомый человек может испытывать радость за ее (абсолютно чужого человека) успехи. — Ещё есть, над чем поработать, конечно. Но в общем удалось.

Мужчина не стремился развивать тему с монастырем, и Настя решила в это не углубляться. Она не знала, как много Яреци говорила отцу о Линь Ян Шо и как тот относился ко всему этому в целом, но сейчас это место в первую очередь ассоциировалось у него с чем-то тяжёлым и печальным. В первую очередь, со смертью Яреци. Настя постаралась отвлечься от мрачных мыслей и обратиться к более приятной теме — профессии сеньора Фернандеза.

— Звезду Мишлен? — уточнила девушка, очень смутно осведомленная обо всем, что касается кухни, ресторанов и тому подобного. Поддержать такой диалог у нее вряд ли выйдет, хотя просто послушать было бы интересно. — Простите, я плохо в этой теме разбираюсь. Но здорово, что вы разбираетесь в том, чем управляете, можете оказать людям поддержку и дать совет.

Моррис Фернандез

Услышав от девушки предположение, что Кимико может быть дочерью Яреци, мужчина в который раз за эти минуты встречи поморщился. Он догадывался, что Настя из того же монастыря, что и его дочь, но до последнего надеялся, что просто ошибся. Мало ли в Китае странных монастырей для людей со способностями или без, и Моррис был бы рад, если бы девушка была просто случайно попавшимся человеком, в которого чуть не врезалась Кимико. А тут вот как...

В душе была буря, а сердце снова кольнуло. Он поморщился и вспомнил, что один раз уже пережил инфаркт, и второй раз его переживать совершенно не хотелось, поэтому надеялся, что эта боль имеет больше душевный характер, чем физический. Такое было всегда, как только доходило до воспоминаний о дочери. Правда, один со своим горем после того позорного дня, когда он напился и устроил дебош в ресторане и дома, он больше не оставался наедине ни с собой, ни со своим горем. Говорят, что время лечит, но мужчина понимал, что далеко не всегда это происходит.

А сейчас можно поговорить о чём-то другом. Потому что не хотелось грубить девушке, которая вообще не виновата ни в чём. Знакомство и дружбу ведь нельзя считать чем-то плохим.

Вдох-выдох, сосредоточение на другой части разговора, более интересной для него и нужной сейчас как глоток воздуха. Протерев руками лицо, мужчина улыбнулся уголками губ и окинул взглядом сидящую рядом девушку. Ему показалось, что Настя

тоже грустная, и этот разговор ее не веселит. Поэтому нужно как-то менять русло разговора. Тем более есть прекрасная тема. Может быть, девушке будет что-то интересно. А нет - найдёт ещё какую-нибудь тему.

- Да, она самая. - Моррис вспомнил, как получил первую звезду, - у меня же есть звезда, одна, правда, но личная. Повар вообще может много звёзд получить, а у ресторана может быть только три максимум. Но для этого нужно быть единым механизмом, не иметь сбоев и перебоев, в том числе с поставками.

И снова он замолчал, не зная, о чем говорить...

Анастасия Полякова

Настя должна была промолчать. Просто кивнуть на упоминание Тору Мотидзуки, возможно, сказать пару слов о нем, как о преподавателе, о его лекции, на которой она однажды побывала — и все. А свое озарение держать при себе. Ну, может, не скрывать, что узнала Кимико, но списать это на псевдознакомство с ее отцом, не более. А про дружбу с Яреци просто промолчать. Сам сеньор Фернандес спрашивать бы точно не стал.

А теперь она ужасно огорчила человека, который был с ней исключительно вежлив и добр, выслушал то, что ей хотелось рассказать хоть кому-то, кто не семья, но готов выслушать и поддержать. Потому что она не хотела, чтобы ее родные знали, насколько сильно открывшиеся способности разрушили ее мечты о будущем, но очень хотела чьего-то участия и понимания, без оттенка вины за то, что изливает свои проблемы (что непременно случалось, когда она хотя бы думала поделиться всем этим с монастырскими — как будто у них не было тех же, а то и ещё больших сложностей!).

Хотя приобретение ментальной магии подарило Насте изрядную долю мучений, ее изучение принесло необходимость (и натренированную способность) анализировать, разбирать и понимать свои мысли и, как следствие, причины своих поступков. Настя могла сейчас сыграть в дурочку, но, по правде, она знала, зачем упомянула Яреци. И шок был не единственной причиной. Вовсе нет.

Все это могло стать единичной встречей в парке, которая никогда не повторится, а они с сеньором Фернандезом могли просто разойтись и никогда больше не вспоминать друг о друге. Но Настю такой вариант не устраивал, и она отчаянно вцепилась в единственную ниточку связи и с умершей подругой, и с почти умершим почти другом.

Потому что в монастыре ей было невыносимо одиноко. Из тех, кого она знала достаточно, чтобы иметь возможность хоть иногда видаться и поболтать о том о сем, были только Лиза да Инга. Лизы рядом не было (и Настя ни на мгновение не собиралась злиться, что она навещает родителей, исследует мир и строит свою жизнь). А Инга была слишком увлечена своим первым превращением (и Настя не собиралась влезать в то, что могло, наконец, улучшить самочувствие ее соседки и даровать ей чуть больше уверенности в своих достижениях).

Сеньор Фернандез решил только перевести тему вместо того, чтобы... Что? Оскорбить, накричать, ударить? Подняться и уйти? Настя разумом понимала, что он этого не сделает, что ни один из этих вариантов, кроме разве что последнего, даже рассматривать нельзя, они просто неоправданы и несправедливы. Но чувство вины любило омрачать взгляд.

Про рестораны и звёзды слушать было куда менее огорчительно, и Настя поспешила поддержать разговор.

— Я слышала только, что рестораны звезду Мишлен получают. Но повара, оказывается, тоже могут, — искренне удивилась девушка. — А как вы свою получили?

Моррис Фернандез

Наверное он своим поведением или отсутствием желания говорить с этой девушкой о Яреци расстроил соседку по лавочке. Но он не мог пересилить себя и вспоминать сейчас о дочке с улыбкой. Многие говорят, что время лечит, но он прекрасно знал, что время не всегда лечит, и есть такие раны, которые оно не сможет вылечить. Принять смерть Лауритты было намного легче, всё к этому и шло, ведь она долго и тяжело болела, и её уход был лишь вопросом времени. Цинично, но это так. А вот смерть ребёнка пережить и принять оказалось намного сложнее. Это страшно - знать, что твоего ребёнка, пусть отношения с которым отвратительные или их совсем нет, уже нет на этом свете. Иногда накатывала тоска, печаль, хотелось поговорить, но он привык всё держать в себе, раскрывая душу самым близким людям - Жюли и Юке. Иногда Тору, ведь он был мужем Яреци, любил её и тоже сильно из-за этого переживал. Но он всегда всё держал в себе и не позволял лишнего.

А может быть вся проблема была только в Моррисе. Он порой слишком сильно переживал из-за всего этого и сильно боялся. Был у него страх, какой-то иррациональный, что ли. Иногда, вспоминая дочку, он представлял себе своё собственное будущее. Жюли проживёт с ним до конца, в этом он не сомневался, хотя неизвестно, кто из них уйдёт раньше. Юка закончит школу, поступит в институт и уедет, а может останется. Но всё равно держать её дома Моррис не будет. Он даст ей свободу, но она всегда будет знать, что её ждут дома...

- Она заканчивала школу, когда задумалась об этом монастыре. Мы отпустили её, ведь это была её жизнь. А потом она вернулась домой, в Россию. Она родилась там, мы с женой работали в посольстве Мексики в Москве, и там родилась Яри. Она вернулась, решила поступить в художественный институт, страдала по своему Тору и однажды сбежала из дома. Ох, как я на неё рассердился и даже не хотел разговаривать с ней. Благо, её вразумил Тору, и они приехали домой. А потом... - Моррис улыбнулся и посмотрел на скачущую Кимико. Она прыгала на самокате? Мужчина решил отобрать у неё самокат и больше ей не давать. Не хотелось, чтобы Тору сделал отбивную.

- Потом она забеременела, и что-то пошло не так. Глупая была, неопытная. Претензии предъявляла к мужу, ссорилась с ним. Всё как у всех, в общем. А в это время я работал в Испании в ресторане. Был шефом, мы работали над тем, чтобы

попасть в Красный Гид Мишлен, и у нас получилось. Я помню, как за несколько дней до дня рождения Яреци наш ресторан получил звезду. В некоторых случаях шеф-повар может забрать звезду с собой, но она не повлияет на оценку ресторана. Вот я и забрал звезду с собой в Японию.

Моррис тепло улыбнулся и посмотрел на девушку.

- В мире был только один повар, который за всю свою карьеру собрал тридцать звёзд Мишлен. Это очень много, и его вообще вряд ли кто переплюнет. У меня уже есть одна, и пока меня всё устраивает. Если мой ресторан, который я посвятил жене и дочери, тоже получит звезду, то, наверное, я стану счастливым человеком, а не сварливым стариком.

В какой-то момент ему показалось, что он много говорит, и замолчал.

- Простите, юная леди, если загрузил вас.

Анастасия Полякова

Настя слушала и перед ней разворачивалась история, знакомая и незнакомая. То, что она уже знала о Яреци, то, о чем догадывалась, и то, чего не знала вовсе. И эта история в общих чертах так напоминала ее собственную вначале, что Настя внезапно для себя очень многое поняла. И о Яреци, и о собственной семье.

Как сильно родители ее любили, что позволили, едва стукнуло восемнадцать, уехать в другую страну в какой-то неизвестный монастырь, где даже мобильной связи не было! Как сильно они переживали о ее благополучии там, но ни разу не упрекнули, не устыдили, ни единого слова, ни единого жеста не сделали, чтобы ее принудить домой вернуться. Потому что они знали, что там ее научат, что там ей лучше и совсем не так страшно, как прежде.

Как они были рады, когда она вернулась домой, поступила в вуз и все вернулось на круги своя. Как недолговечно все это было. Настя не сбегала, не так, как Яреци, и родителям она все рассказала, и те ей опять же помогли, как и всегда, но ощущалось это все равно побегом.

А Оля, ее стойкая маленькая сестрёнка, которой так тяжело было понять, почему Настя должна уехать и быть от них всех далеко-далеко. Которая все равно нашла в себе силы принять ситуацию и простить. Переступила через свои желания и убедила Настю уехать снова, потому что поняла, что это сестре поможет.

Про семейную жизнь с Тору, как и про беременность, Яреци говорила мало. Порой казалось — неохотно. Настя не настаивала. А позднее видела подругу редко и всегда (почти всегда?) с ребенком. А при ребенке не пооткровенничаешь, даже если ребенку всего два-три года и он ничего этого не поймет и не вспомнит.

Слова ее отца дали общее представление, но не раскрыли деталей того, что продолжало терзать ее подругу, а теперь едва ли они когда-нибудь узнают об этом.

— Я приехала в монастырь, как только окончила школу, но все началось не там, не совсем. — Настя на мгновение замолчала, собираясь с мыслями. Сеньор Фернандез поделился с нею многим, и ей хотелось дать что-то в ответ. Может быть, взгляд на историю с ее стороны и ему позволит что-то понять, что до этого оставалось неясным. — В шестнадцать мне сказали, что со мной все в порядке. Тогда же я узнала про монастырь, но решила подождать хотя бы до получения диплома, чтобы родители не волновались так сильно. И вот я приехала в монастырь и почти сразу уехала. На занятия в другой монастырь, Цитадель Птиц, куда нас всех пригласили. В столовой не было мест, и я собиралась устроиться на полу, но Яреци пригласила меня за свой стол. Так мы и познакомились.

Настя не стала углубляться в подробности. Честно говоря, ей стало неловко вспоминать, как она первым же вопросом полезла выпрашивать, а беременна ли девушка, которую она до этого в глаза не видела. После того, как без разрешения смотрела ее ауру вообще-то.

— Через какое-то время я решила, что узнала достаточно, чтобы спокойно жить, и вернулась домой. Родители были так рады, а моя сестра, младшая сестра, и подавно. Я думала, этого будет достаточно, но после... После казалось, будто я больше не подхожу по шаблону, было столько всего, о чем надо было молчать, а я не хотела. Столько всего, что я ещё должна была — хотела! — узнать и изучить. И я вернулась обратно. Учиться ведь и на заочном можно, подумала я. А в монастыре снова встретила Яреци. Уже с Кимико. Я так потерялась, а в монастыре было чуть проще, чем дома, и все там знали, что у меня есть что-то в рукаве, и я знала, что у них тоже есть.

— Думаю, я бы во многом не металась от одного к другому, если бы эти способности были моим выбором, понимаете? — тихо спросила Настя. — У нас многие не открывают дар случайно, а сами решают его пробудить, потому что им это интересно или для чего-то нужно. Но когда оно само начинает работать, как будто кто-то щёлкнул переключателем, это бывает очень страшно. И непонятно. А монастырь даёт какое-то спокойствие, и страх утихает. И ты знаешь, что научишься и все будет хорошо.

Настя слушала о том, как сеньор Фернандез получил звезду Мишлен, и легко улыбалась. Ее восхищало то, как этот человек не сломался под давлением потерь (жены, а затем и дочери) и продолжал работать, посвящая дело всей своей жизни двум женщинам, которых так сильно любил. Получается, он переехал в Японию, чтобы быть рядом с внучкой, и продолжил стремиться к мечте.

— Совсем не загрузили, просто дали повод увидеть что-то с другой стороны. — сказала Настя. — Я была рада узнать о вас и о Яреци ещё немного. Спасибо вам большое.

Она бы с радостью послушала ещё.

Моррис Фернандез

Некоторое время длилось молчание, а потом и Настя стала делиться своими

воспоминаниями о том, как она открыла этот таинственный монастырь. Моррис никогда не интересовался этим местом, не желал его посетить, будучи уверенным, что ему самому это не нужно, да и способностей у него никаких не водилось. Яри как-то пыталась ему рассказать о каллиграфии, но он даже этому не научился, не говоря уже о чём-то серьёзном. Главное, Яри там было интересно...

- Яреци была, как мне говорил тот же Тору, достаточно неплохим магом Воды. Я помню, что она была совсем маленькой, и мы отдыхали с ней на вилле у друзей. Там был бассейн, и вот Яри свалилась в него. Ей было, кажется, чуть больше года, она и ходить толком не умела, а вот плавать научилась быстро. Мы даже не успели испугаться.

Он плохо уже помнит те события. Кажется, это было в Испании, куда Моррис с семьёй уехал в отпуск, или в Мексике. Скорее в Испании, ведь там жила многочисленная родня Лауры, да и у Морриса друзья были, хотя и сейчас они есть. Просто тогда и сейчас - это разные уже люди как будто. Подкрадывающаяся старость постоянно маячит где-то поблизости, и с каждым если не днём, то месяцем точно становится труднее что-то сделать.

Так, о грустном думать не стоит. Не хватало ещё, чтобы девушка подумала, что его угнетает этот разговор, а казаться сломленным грустным и печальным стариком в планы Морриса не входило. Нужно, если вспоминать о дочке, то делать это с улыбкой, а не вот так, как это делает он. Хотя если бы кто знал, как это трудно сделать...

- Может быть этот монастырь и существует для того, чтобы тем, у кого случайно открылись способности, не были напуганы и не смогли навредить, себе в первую очередь? Тут хотя бы под присмотром находитесь, а то так действительно можно съехать с катушек. Но, как говорится, мы не всё можем выбрать, а доставшиеся какие-то знания или способности не всегда можем принять. Мне кажется, что Яреци не до конца смогла принять свои способности...

Моррис снова замолчал и вздохнул. Мотнул головой и пытался вспомнить, было ли в жизни дочки что-то хорошее и весёлое. Кажется, последние годы ее жизни у нее вообще не было ничего хорошего. Добила всё история с сектой, и тогда Моррис не винил Тору, который расстался с Яреци из-за этой глупости, да и сам был рассержен поведением дочери. Хотя он всё равно продолжал её любить, но в тот раз Яри сама оттолкнула его.

- Я рад, кстати, что у вас, милая леди, достаточно хорошие отношения с родителями. Они понимают тебя и стараются дать тебе совет. Когда будет что-то не получаться, старайся к ним приезжать, звонить, и они всегда поддержат, - мужчина улыбнулся. Тепло и как-то по-отечески.

Анастасия Полякова

Настя совсем не запомнила Яреци как мага Воды и сильно сомневалась, что подруга действительно много внимания уделяла этой способности. Не ей осуждать, с тем, как она совсем чуть-чуть умела в магию Воздуха и только открыла в себе магию Воды. Причем последнее — намеренно. Яреци же запомнилась как мастер

каллиграфии, которую она преподавала и самой Насте. И Яреци запомнилась как сильный ментальный маг. Настя предпочла бы никогда ее так не запоминать, учитывая, при каких обстоятельствах это произошло и как сильно Маркус от этого пострадал. Но Настя была не лучше: точно так же вторглась в сознание парня, просто любопытства ради.

Ей тогда казалось, что ничего страшного, если она прочтет чьи-то мысли или посмотрит ауру. Девушка не учла, что это было действительно "ничего страшного" вначале лишь потому, что она ещё не могла свои способности контролировать и это, в общем-то, была не ее вина. Но когда она считывала образ из мыслей Маркуса, Настя уже хорошо владела ментальной магией и у нее не было ни единой причины так поступать. Веской причины, а не просто любопытства и желания лезть в чужое дело.

Настя постаралась отвлечься от подобных мыслей. Она уже давно поняла и приняла свою вину, изменила свои действия, отказавшись использовать на ком-то ментальную магию без разрешения этого человека, и в итоге не использовала ее вообще (не было ни занятий, ни знакомых менталистов, с которыми можно потренироваться). За исключением ментального щита, разумеется. Если она хочет искупить вину, это нужно делать с Маркусом, если сам Маркус вообще захочет, чтобы она что-то там делала, если решит возобновить с ней общение. А может, он вообще предпочтет не вспоминать о прошлом и не знать ее больше или, напротив, позволит им познакомиться снова.

В то, что Яреци так и не смогла принять свои способности, Настя как будто и могла, и не могла поверить одновременно. Но наверняка ей было непросто с той же ментальной магией, как и самой Насте, а уж после того, как она вмешалась в сознание двоюродного брата и не единожды, настроив его против этой способности...

Сеньор Фернандез был очень любящим и заботливым отцом, и Настя приняла его совет (обращаться к родителям за помощью) близко к сердцу. Она легко улыбнулась и кивнула.

— Да, они замечательные, — с теплотой в голосе сказала девушка.

Пожалуй, стоило сменить тему и поговорить о чем-то другом. Нет нужды омрачать такой чудесный день мрачными размышлениями, чувством вины и потери.

— Вы приехали сюда на конференцию, верно? — уточнила Настя, хотя прекрасно помнила, что так и есть, но ей нужен был какой-то вводный вопрос. — И часто вам приходится так путешествовать? Это, должно быть, не очень удобно, когда ваша работа связана с рестораном, который на одном месте находится и никуда с вами не уедет.

Моррис Фернандез

- Это прекрасно, когда отношения с родителями прекрасные, - улыбнулся мужчина и позволил себе слегка приобнять девушку. Ему казалось, что она скучает по

родителям и сестре, и хотел её как-то приободрить.

Яри тоже скучала по маме и дяде с бабушкой. Может быть, из-за смерти Лауры у неё крыша и съехала окончательно, и стала она творить что-то непонятное. Проблема была одна большая - Яреци не хотела разговаривать и оставалась наедине со своей болью. Как это было похоже на Лауру и как не было похоже на Морриса. Лаура тоже, похоронив свою бабушку (прабабку Яреци), перестала разговаривать с Моррисом, обвиняла его и несла всякую чушь. Яблоко от яблони, как говорится.

Но сейчас всё иначе. Сейчас в его семье, интернациональной, кстати, царят мир, согласие и даже доверие. Он доверяет Жюли и Юки, девочки доверяют ему и друг другу. Проблем, конечно, хватает, но все-таки без таких закидонов. И хорошо. Моррис не уверен, что смог бы пережить второй раз этот бред.

- Да, на конференцию. Что-то типа консультанта, - усмехнулся Моррис, вспомнив, что немного подзабыл на эту конференцию. Будет еще одно его выступление, но он даже не готовился. И не сильно слушал выступающих.

- Да, верно. Я много путешествовал, да и до сих пор продолжаю путешествовать. А ресторан... управляющий для ресторана не так важен, как шеф-повар. Без шефа кухня погибает, а без управляющего, если он адекватный и умеет построить модель поведения, можно своё детище оставить на время. Когда я был шефом, на эти собрания ездить нельзя было, только на специальные съезды поваров. А ты? До монастыря была ещё где-нибудь?

Анастасия Полякова

Странно было обнимать едва знакомого человека. Не потому что Настя никогда так не делала, конечно. Ещё пару лет назад она была достаточно непосредственна, чтобы кинуться на шею чуть ли не первому встречному. Но после нескольких лет почти полной изоляции в монастыре девушка от этого отвыкла. Ей, наверное, стоит почаще выбираться в город. Может, и новых знакомых заведет? А то сколько можно жаловаться, что и поговорить не с кем, и при этом ничего не делать?

Сеньор Фернандес моментами очень напоминал ее отца, и на мгновение тоска по семье стала невыносима. Настя скучала по ним каждую минуту, настолько, что уже не выделяла это чувство отдельно. Это было ее стабильное состояние: она дышала, моргала и скучала по семье. И все же благодарность за попытку утешить перевесила. Настя сдержала слезы и позволила себе расслабиться в объятиях.

Из интонации мужчины показалось, что рабочая конференция его особо не волнует. Должно быть, он приехал из одной необходимости, без какого-либо желания. Девушка порадовалась, что в этой поездке сеньор Фернандес оказался не один, с Кимико. Он периодически поглядывал на внучку, и Настя машинально смотрела на нее тоже. Кимико то спорила с кем-то на горке, то скакала на самокате, своим озорством вызывая улыбку на лице. Глядя на нее, плохие мысли забивались в угол.

На вопрос о том, бывала ли она в путешествиях, Настя ответила:

— Нет. Языки я учила, конечно, чтобы не потеряться, но так никуда и не съездила. Может быть, теперь, когда я могу продолжать обучение самостоятельно, смогу куда-

нибудь выбраться. Хотя бы в города неподалеку, для начала.

Девушка не стала говорить слишком много. Наверняка сеньор Фернандез поймет невысказанное: что при отсутствии контроля над способностями куда-то уезжать было страшно и попросту глупо. А потом, да и сейчас... Настя не собиралась заговаривать об этом вслух, ей было слишком неловко, но у нее просто не было средств для каких-либо путешествий (безработная студентка, помните?), а кланчить у родителей — ни за что. Они и так тратятся на ее полеты туда-сюда, из Лхасы в Москву и обратно, когда сессия или просто слишком соскучились, хочется вживую пообщаться, не по телефону.

Мысли о поиске работы Настя отложила на потом. Сейчас ей хотелось просто пообщаться, не думая об очередной проблеме, вылезшей из глубин ее разума. И вот почему она не могла просто расслабиться и увлечься разговором, не улетая мыслями в иные дали?

Моррис Фернандез

Привычка Морриса лезть с объятиями нравилась, наверное, только дочке и ее маме. Ну и Кимико, она вообще ласковая девочка растёт. Все остальные часто шугались и чувствовали себя не в своей тарелке. Моррис честно старался не лезть с лишними объятиями, если видел, что они смущают человека. Вот сейчас Анастасию немного смущали эти объятия, и он убрал руку и даже немного отодвинулся от неё. Лучше не искушать судьбу, а то вдруг эта девочка обидится и обзовет его как-нибудь. Его периодически обзывали, но только в Европе, не здесь, но от этого легче не становилось. Что ж, все мы стареем и меняемся. Мордой лица, кстати, тоже. Раньше ты был красивый, а сейчас старый сломленный старик. Взять Рикардо, например. Раньше был красавцем, а сейчас... слишком сильно по нему ударила та авария. Он почти не пострадал, а вот Джулия впала в кому. А он хотел ей сделать предложение...

Моррис Фернандез мотнул головой и усмехнулся. Правда улыбка получилась грустная. Но он не грустить сюда пришёл.

- Прошу прощения. С возрастом становишься более сентиментальным, - сказал он, снова улыбнувшись. На этот раз улыбка была поинтереснее. - Без языков, конечно, достаточно сложно, но, прожив много лет в России и пропитавшись вашим духом, я могу сказать, что русский человек может объяснить всё на пальцах, и собеседник, даже без знания английского, поймёт, что имеется в виду. У нас в посольстве был один сотрудник, путешествовавший по Франции, остановился в каком-то придорожном кафе. Приспичило ему выпить чай, но он не знал французский, и очень долго на пальцах пытался объяснить, что ему нужен чай. Там не знали английский, но он смог на пальцах показать, и ему дали желанный чай. Мы долго смеялись.

Моррис усмехнулся. Эта история была очень давно, вроде Яри тогда ещё была совсем крошкой.

- А путешествия - это всегда что-то новое и интересное. Я бы тоже бросил вот это вот всё и поехал куда-нибудь. Я вот думал как-то поехать в Антарктиду, мне даже предлагали участвовать в экспедиции туда. Вот только оказалось, что у меня есть

морская болезнь. Представляешь себе кока с морской болезнью?

Сказав всё, что хотел, Моррис вздохнул и подумал - а не слишком ли он много говорит. Может быть девушка уже хочет пойти дальше своими делами заниматься, а он мешает.

Анастасия Полякова

Когда ты вспоминаешь свою умершую дочь и испытываешь эмоции — это гораздо больше, чем просто сентиментальность, которая приходит с возрастом, но Настя не стала об этом говорить. Ей показалось, что сеньору Фернандезу неловко за свой порыв, а как его успокоить, девушка не знала, поэтому предпочла сосредоточиться на разговоре, показывая, что ничего плохого не произошло и этот поступок ее никак не задел.

— Думаю, ваш сотрудник — уникальный случай даже для русского человека. Я очень смутно представляю, как можно жестами объяснить чай. — Ладно бы, показать, что хочется пить, это легко жестами сделать, но указать конкретный напиток... Тут Настина фантазия пасовала. Разве что нарисовать чашку чая, что ей было вполне по силам, даже если скетчингом она не занималась уже некоторое время. — Но я восхищаюсь таким упорством в получении желаемого. Недавно я видела девушку, которая ещё очень плохо знает китайский, но все равно посещает занятия, не боится спрашивать про незнакомые слова, и старается усвоить как можно больше. Хотя ей явно тяжело даётся этот язык. Тем более — специализированные медицинские термины.

Она говорила про Ломэхонгву, чье упорство в получении знаний, продолжало ее восхищать даже годы спустя. Но уточнять не стала. А разговор продолжался, и Настя уже слабо представляла, о чем ещё они могут поговорить: слишком разнились у них и возраст, и профессия, и увлечения, и условия жизни.

Образ кока с морской болезнью заставил ее посмеяться. Действительно, забавно бы вышло. Хотя и совсем неприятно для этого самого кока.

— Обидно, наверное, не поехать только из-за морской болезни, — задумчиво произнесла девушка. Больше, в общем-то, и сказать было нечего.

Общение у них не то чтобы не ладилось, но фразы казались вынужденными, словно обязательно надо было что-то сказать, и они выкручивались как могли. Настя не знала даже, что сказать, какую тему поднять, и это добавляло неловкости ситуации. Но просто встать и уйти было бы тоже и неловко, и неправильно, да и просто не хотелось вот так все заканчивать. Девушка отчаянно продолжала цепляться за эту ниточку связи с двумя важными для нее людьми, даже если получалось так себе.

Интересно, сколько они уже сидят вот так? Полчаса, час? Наверняка Кимики скоро встанет или захочет ещё куда-то пойти, а может, у сеньора Фернандеза какое-то ещё дело сегодня и он поспешит откланяться. Это позволит избежать неловкой тишины, конечно, и разойтись по-хорошему, но в то же время... Неужели вот так все и закончится, на одном оборванном разговоре?

Моррис Фернандез

Общение заходило в тупик, а может просто он выбрал не ту тактику разговора, но нужно было как-то закончить эти посиделки со вкусом грусти, ностальгии и непонятной горечи. Хотя горечь была всё-таки понятной. Любое упоминание дочки оставляло незаживающую рану на душе, и вот даже сейчас эта встреча не принесла ему спокойствия и какого-то ощущения спокойствия. Это было в корне неправильно, но иначе у мужчины не получалось. Наверное, это из-за того, что он всё-таки становится старым и сентиментальным. А может просто так получалось.

Иногда резко появлялась потребность высказаться, поговорить, что-то рассказывать, но он считал это слабостью и одиночеством. Поэтому сейчас решил замолчать и прервать эту встречу.

- Полагаю, у русских есть находчивость, которой нет у других людей, - усмехнулся мужчина и, словно что-то вспомнив, достал из внутреннего кармана пиджака пригласительные билеты и протянул один девушке. - Кстати, раз вы были знакомы с моей дочкой, то позвольте пригласить вас на выставку. Её картины там тоже будут. Уверен, она не была бы против, если вы придёте. Какие-то картинки Кимико тоже будут. Кажется, к празднику середины осени. В общем, вот.

Мужчина убрал ещё один пригласительный билет в карман. Хотя он не был уверен, что сможет спокойно смотреть на картины дочери. Хотя кто знает...

Анастасия Полякова

Протянутый билет Настя приняла дрожащими пальцами. И продолжила держать его, едва касаясь, словно одно неосторожное движение может его испортить. Куда его положить, чтобы не помялся, не порвался, да и просто чернила не стерлись, девушка сходу придумать не смогла, а потому продолжила удерживать кончиками пальцев. Это была тонкая ниточка, ведущая к Яреци, и Настя решительно вцепилась в нее.

— Спасибо, — тихо и размеренно, стараясь удержать голос от дрожи, сказала девушка. Эмоций в прошедшем разговоре и так было слишком много. — Я приду.

Она не знала, какими будут картины. Сюжет, материал, стиль — все это было ей неизвестно, но в сущности не играло никакой роли. Она собиралась на эту выставку в первую очередь не для того, чтобы оценить чужое творчество, а для того, чтобы поддержать связь с человеком, которого и в живых-то уже не было. И, ну, Яреци была уже мертва, но ее дочь, Кимико, жива, и Насте искренне хотелось увидеть, на что эта девочка способна.

Единственное, что вызывало беспокойство, — это дата. Настя примерно в это время собиралась слетать домой. Но, если верить информации на билете, выставка не один день длится, и девушка собиралась обязательно выкроить время, лучше — целый день, на посещение.
